

Проверено
1950 г.

ЗАПИСКИ

✓ DV613
Г 352

ПРИАМУРСКОГО ОТДѢЛА

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

т. V вып. II. — III

0 010105 ✓
✓
210 18976

Д В К Р Е В А Я
НАУЧ ЯЯ
БИБЛИОТ. ЧА

К. Логиновскій. Свадебныя пѣсни и обычаи казаковъ восточнаго Забайкалья. 1-54

И. С. Колбасенко. Станица Стрѣтенская (Забайкальской области), ея народонаселеніе и санитарный бытъ. 94-132

БИБЛИОТЕКА
ХАБАРОВСК. КРАЕВОГО
ГОС. МУЗЕЯ.

✓

Г. ХАБАРОВСКЪ

Типографія Канцеляріи Приамурскаго Генераль-Губернатора
1899.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

- К. Логиновскій.** Свадебныя пѣсни и обычаи казаковъ восточнаго Забайкалья.
- И. С. Колбасенно.** Станица Стрѣтенская (Забайкальской области), ея народонаселеніе и савитарный бытъ.

Введение.

Ни одинъ моментъ въ жизни русскаго простолюдина не сопровождается столькими обрядами и пѣснями, какъ свадьба, со дня которой наступаетъ для сочетавшихся бракомъ новая жизнь. Эти пѣсни и обряды, будучи созданы многими поколѣніями, въ теченіе весьма продолжительнаго періода времени, рисуютъ, нынѣ отжившее свой вѣкъ, прежнее положеніе русской женщины. Обрядовая сторона свадьбы повсюду носитъ общій характеръ, но мѣстные условія и соприкосновеніе съ другими племенами создаютъ какъ въ обрядахъ, такъ и въ пѣсняхъ все новые варианты. Собрать ихъ со всѣхъ уголковъ обширной Россіи представляетъ крайне интересную работу.

На нашей окраинѣ еще слишкомъ мало сдѣлано по собранію народныхъ пѣсней; поэтому не лишнимъ будетъ для будущаго изслѣдователя и предлагаемый мною матеріалъ, записанный со словъ казаковъ Восточнаго Забайкалья: Нерчинскаго, Нерчинско-Заводскаго, Читинскаго и Акинскаго округовъ. Прежде, чѣмъ перейти къ описанію дѣвичника и свадьбы, считаю необходимымъ сказать нѣсколько словъ о современныхъ отношеніяхъ до брака среди казачьей молодежи въ вышеупомянутыхъ мѣстностяхъ.

Близость пріисковъ и житье въ городахъ въ прислугахъ такъ деморализовали казачье населеніе, что не осталось мѣста даже для слабаго проблеска чувства чистой любви. Любовныя похождения, зазывающіяся на вечеркахъ, посидѣлкахъ и игранчикахъ, отличаются такой откровенностью, что быстро становятся извѣстными всей деревнѣ. Это, повидимому, нисколько никого не стѣсняетъ, такъ какъ общественное мнѣніе относится равнодушно къ паденію дѣвушки. Каждый изъ парней обзаводится возлюбленной, а иные и нѣсколькими. Надругаться надъ дѣвушкой считается подвигомъ. Ворота или окна дома

родителей несчастной дѣвушки мажутъ дегтемъ, публично рвуть на ней платье, нерѣдко бьютъ. Когда несчастная почувствуетъ себя матерью, то, бросають ее безъ всякаго стѣсненія. Все это дѣвушка должна переносить безъ всякихъ возраженій, какъ-бы считая законнымъ проявленіе надъ собой власти возлюбленнаго, которому добровольно отдалась. Затѣмъ спѣшитъ она выйти поскорѣе замужъ за перваго встрѣчнаго, лишь-бы не родить въ дѣвицахъ, чѣмъ и пользуются женихи низшаго разбора. Этимъ объясняется незначительный процентъ незаконнорожденныхъ, не смотря на столь свободную половую жизнь молодежи.

Если парню не удастся завладѣть дѣвушкой, которая ему нравится, тогда онъ прибѣгаетъ къ различнымъ приемамъ привораживанія или, какъ говорятъ, присухи.

Дѣлается это и безъ наговоровъ, и съ наговорами. Существуетъ нѣсколько способовъ привораживанія:

1) Берутъ какое-нибудь лакомство и кладутъ его подмышку; когда оно пропитается потомъ, стараются, чтобы желанная его съѣла.

2) Выжимаютъ нѣсколько капель своего пота и примѣшиваютъ въ питье привораживаемой.

3) Вырѣзають у суки половые органы, которыми стараются накормить дѣвуху.

4) Слѣдятъ за вышедшей изъ дома дѣвушкой; отсчитываютъ на землѣ 9-й ея слѣдъ, который и исчерчиваютъ девятью сомкнутыми кривыми, параллельными очертаніямъ слѣда и расположенными въ немъ концентрически; затѣмъ снимають съ него ножомъ тонкимъ слоемъ землю, завертываютъ ее въ тряпку и подвѣшиваютъ гдѣ-нибудь около печки, приговаривая: „какъ сохнетъ эта земля, такъ-бы сохла такая—то обо мнѣ“.

5) Есть повѣрье, что нужно бросить на муравейникъ спарившихся лягушекъ и затѣмъ бѣжать прочь, заткнувши уши, чтобы не оглохнуть отъ лягушечьяго крика и не оглядываясь назадъ, чтобы не ослѣпнуть. Черезъ нѣсколько дней, на муравейникѣ находятъ крючекъ и петельку. Кого хотять приворожить, притягиваютъ къ себѣ крючкомъ; когда-же требуется отворожить, то отталкиваютъ петелькой.

Наговоры для присухи читаются на кушанье и на питье, которымъ подчуютъ предметъ колдовства, на воду или на

бусь*); — первой обрызгиваютъ, вторымъ опыливаютъ того, кого нужно присушить. Бусь собирается въ полночь, послѣ того, какъ прошля пѣтухи, и при возвращеніи съ мельницы обязательно сохранить полное молчаніе и также молча передать его лицу, которое будетъ читать наговоръ. Наговоры употребляются слѣдующіе:

1.

„Стану я, рабъ Божій, благословясь, пойду, перекрестясь, изъ дверей въ двери. Пойду я мышьиной норой, ушканьей тропой **) и окладнымъ бревномъ ***) , и подь тѣмъ бревномъ навстрѣчу мнѣ 7 вѣтровъ, 7 вихревъ, 7 братьевъ. Сдѣлайте, братья, дружбу, — сослужите службу! На огненномъ морѣ стоитъ златъ камень, на томъ камнѣ сидитъ старъ матеръ человекъ; выньте изъ его бѣла лица румяны, а изъ ретиваго сердца тоску; внесите въ высокъ теремъ и вложите въ дѣвицу (или молодицу) (имя ея) въ бѣлое лицо, въ горячую кровь, въ ретивое сердце, въ кровь и въ плоть. При утренней Маріи, чтобы дѣвица (имя), пивомъ пила — не запивала, ѣдой ѣла — не заѣдала и все меня-бы на умѣ держала! Какъ не можетъ быть маленькій ребенокъ безъ титьки ****), такъ-бы и она безъ меня. Какъ не можетъ быть въ полѣ корова безъ травы и такъ-бы опа безъ меня. Какъ въ печкѣ печиня сохнетъ, какъ у человекъ съ жаромъ во рту слюна сохнетъ, такъ-бы такая (имя) дѣвица обо мнѣ сохла. Какъ во дни, такъ и въ ночи и на всякій день, и на всякій часъ, какъ отнынѣ и до вѣка. Амийн“ (*Запис. со словъ каз. Скажущина Шелопушкинской ст., Нерчинск. окр.*)

Наговоръ читается на пищу или на питье, или-же на какую нибудь вещь, принадлежащую любимой дѣвушкѣ. Въ послѣднемъ случаѣ эту вещь потомъ сжигаютъ и пепелъ разбрасываютъ, очевидно съ тѣмъ расчетомъ, что онъ долетитъ до возлюбленной и коснется ея сердца.

2.

„Утренняя заря, Марина, вечерняя заря, Мариміана! Ужъ ты, мать моя, заря утренняя и вечерняя, распеки и развели черную печень, сердце и горячую кровь у раба или у ра-

*) Бусь — мучная пыль, которая сеѣдаетъ въ мельницахъ по стѣнамъ.

**) Дорожка проторенная зайцами.

***) Первое бревно при основаніи дома.

****) Безъ груди матери.

быни (имя); распели и развесели черную печень и горячую кровь на рабу или на рабыню (имя): Лурія, Бѣлирія, Безмирія Рехмонъ, Рехимъ, Мень, Шайтанъ, Резимъ, Ольху, Ологу-ахатай, Ологу-самадай". (Запис. со словъ его-же).

По вѣрованіямъ знахарей, вся сила этого наговора заключается въ наборѣ послѣднихъ, какъ бы безсвязныхъ словъ, которыя въ началѣ, можетъ быть, и не являлись безсмысленными, какъ теперь, а каждое слово означало или названіе божества, или другихъ предметовъ вѣрованія.

Болѣе сильные тѣ наговоры, въ которыхъ обращеніе относится къ нечистому духу.

3.

„Стану я, не помолясь, пойду, не перекрестясь, изъ воротъ въ ворота, на западную сторону. Летитъ змѣй огненный ступдрахъ, несетъ, ступдрахъ хочетъ высушить рѣки и воды. Не высушивай рѣки и воды, а засуши рабу (имя) съ рабомъ (такимъ то), чтобы они спали—не засыпали, ѣли—не заѣдали, пили—не запивали". (Запис. со словъ каз. Сверкунова Новотроицкая ст., Нерчинск. окр.).

Наговоръ читается на утренней зарѣ на воду, выпить которую даютъ присущаемой.

4.

„Стану я, рабъ (такой-то), не благословясь, пойду, не перекрестясь, изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота, въ чистое поле, на дьявольское море. На дьявольскомъ морѣ стоитъ каменная баня; въ этой каменной банѣ стоитъ мостъ; подъ этимъ мостомъ стоятъ мраморные диваны; на этихъ диванахъ сидятъ тридцать чертей, изъ нихъ три мои старшіе братья. Подойду я къ нимъ поближе и поклонюсь пониже. Старшіе вы мои братья, сослужите мнѣ великую службу: засушите и закрушите дѣвицу (имя), что-бы она ходила не захаживала, ѣла—не заѣдала, пила—не запивала, любила—не забывала, чтобы сохли у ней обо мнѣ все 12 жилъ, 12 поджилковъ, 12 суставовъ, 12 подеустановиковъ и соединяющая кость. Аминь". (Запис. со словъ его-же).

Этотъ наговоръ читаютъ на соль, которую послѣ этого носятъ за пазухой, чтобы она пропиталась потомъ, а затѣмъ ее стараются дать съѣсть дѣвицѣ.

5.

На земляхъ Русской и Французской есть царь огнен-

ний, — высушил моря и рѣки и мелкія источники, такъ-бы сохла раба Божія (такая-то), по рабѣ Божиємъ (такомъ-то), на молодѹ и перскроѣ, что-бы не могла она не жить не быть безъ меня раба Божія (имя), — въ 77 суставахъ, въ 77 жилахъ и въ половой жилѣ. Въ чистомъ полѣ бѣлая лунь. По прошу я ее слетать въ чистое поле, въ синее море, въ крутыя горы, въ темные лѣса, въ зыбучія топи и попросила-бы онъ черта, что-бы далъ онъ ему помощи сходить къ рабицѣ, дѣвицѣ въ теремъ, — сѣсть на бѣлую грудь, на ретивое сердце, на горячую печень и вложилъ-бы рабицѣ дѣвицѣ (такой-то). Изъ своихъ окаянныхъ усть, что-бы она не могла безъ раба (такого-то) не жить, не пить, не ѣсть. Аминь, аминь, аминь“. (*Запис. каз. Донинск. стан. Нерчинск.-Зав. окр. Косыхъ*).

Что-бы отсушить, т. е. оттолкнуть отъ себя любовь дѣвушки, также существуетъ наговоръ. Его читаютъ на воду, которою обрызгиваютъ дѣвушку или даютъ ей выпить.

6.

„Пойду я, рабъ Божій (имя), въ сѣверную сторону. Есть въ сѣверной сторонѣ студеное море; среди студенаго моря стоятъ студенныя палаты, среди студеныхъ палатъ стоитъ студеный столъ, а среди студенаго стола стоитъ студеное блюдо, а среди студенаго блюда стоитъ студеная вода, а за столомъ сидитъ студеный царь. То я, рабъ Божій (имя), иду поближе, поклонюсь пониже. О, если ты, студеный царь, какъ ты сидишь въ студеной палатѣ и за студенымъ столомъ и студышь студенымъ блюдомъ студеную воду, остуди сею водой раба (такого-то) Божія отъ рабы Божьей (имя): они студеною зимою ключами крещенскими морозили: и кажи рабѣ Божіей (имя) раба Божія (такого-то) лютѣ лютаго, чернѣ чернаго звѣря — медвѣдя и лютѣ лютой черной змѣи подколодной. Ключъ и замокъ во вѣки вѣковъ словамъ. Аминь“. (*Изъ рукописи каз. Туркова ст., Нерчинск. окр.*).

Примѣчаніе: Въ настоящемъ очеркѣ приняты слѣдующія сокращенія: „Ун.“ — р. Унды, Ин. — р. Ингода, Он. — р. Ононь, К. — р. Куенга, Н. — Нерчинскій округъ, Н.-З. — Нерчинско-Заводской, Ак. — Акшинскій, Ч. — Чятинскій, Дон. — Донинская станица,

СВАДЕБНЫЯ ПѢСНИ И ОБЫЧАИ КА- ЗАКОВЪ ВОСТОЧНАГО ЗАБАЙКАЛЯ.

глава I.

ДѢВИЧНИКЪ.

Выборъ невесты. Парни очень рѣдко женятся на тѣхъ дѣвушкахъ, съ которыми имѣютъ любовныя сношенія. Они, а также и сами родители, въ большинствѣ случаевъ, стараются выбрать невесту въ другой деревнѣ, чтобы скрыть досвадебную жизнь дѣвушки. Желаютъ такъ-же, чтобы было куда съѣздить и кого принять, такъ какъ родственники изъ другой деревни являются болѣе почетными, нежели изъ одной и той-же.

Лѣтъ 20—30 тому назадъ, выборъ невесты принадлежалъ всецѣло родителямъ жениха, которые смотрѣли на бракъ сына съ экономической точки зрѣнія; въ лицѣ невестки пріобрѣтали въ свою семью новую рабочую силу, а потому и старались женить своихъ сыновей, какъ можно раньше. Предусмотрительные родители входили даже въ сдѣлку съ священно-служителями, чтобы прибавить по метрическимъ книгамъ лишній годикъ; и, дѣйствительно, передъ алтаремъ являлись женихи, 15½ и 16 л. Рассказываютъ, что, въ старину, когда нужно было везти жениха на показъ невестѣ, послѣдней, не подозревая, бѣгалъ въ длинной рубахѣ безъ штановъ съ прочими дѣтьми и игралъ въ бабки. Прямо съ игры вели его домой и впервые одѣвали въ штаны, халатъ, сапоги и везли на смотрины. Какъ халатъ, (праздничное платье того времени), такъ и сапоги являлись настолько рѣдкими, что зачастую одинъ и тотъ-же халатъ и одни и тѣ-же сапоги возились изъ деревни въ деревню для жениховъ, на время свадьбы. Молодая жена, которая была

старше своего мужа, нерѣдко переносила его на рукахъ на постель, когда онъ засыпалъ не на мѣстѣ.

Въ настоящее время все это отошло въ область преданій. Теперь выборъ невѣсты предоставленъ самому жениху или-же производится съ его согласіемъ. Браки, въ возрастѣ моложе 17—18 лѣтъ, не встрѣчаются, а также рѣдки и старше 25 лѣтъ, такъ какъ каждый спѣшитъ жениться до выхода на службу, чтобы взаимно себя оставить въ семьѣ работницу.

Кража невѣсты. Кража невѣсты, одна изъ интересныхъ формъ брака, напоминаетъ собою древнее умыканіе дѣвушекъ. Лѣтъ 15—20 тому назадъ, кража невѣсты была рѣдкимъ явленіемъ; она вызывалась сильной привязанностью парня и дѣвушки другъ къ другу и препятствіями со стороны родителей дѣвушки, которая, вслѣдствіе этого, тайкомъ покидала отцовскій домъ, уходила къ своему милому и вѣнчалась съ нимъ безъ родительскаго на то согласія. Росписка, разрѣшающая совершеніе церковнаго обряда, представлялась или отъ имени какихъ-либо родственниковъ невѣсты, или-же приносилась и отъ родителей, но только впоследствии, послѣ бракосочетанія. Случалось, что вѣнчали по фальшивымъ документамъ. Священникъ все это отлично зналъ и лишь требовалъ щедрого вознагражденія. Онъ не ограничивался одной лошадейю или коровой, а требовалъ еще добавленія деньгами. Похищеніе дѣвушки въ то время было небезопасно и для самаго жениха. Приведу здѣсь одинъ случай похищенія.

Родители не соглашались выдать дѣвушку замужъ за любимаго ею парня. Она бѣжитъ къ нему и скрывается 3 сутокъ у будущихъ родственниковъ по ямамъ. Когда нѣсколько стихли первоначальные розыски, женихъ съ невѣстой и съ нѣсколькими провожатыми мчатся ночью въ село за 10 верстъ, въ церковь. Родственники невѣсты, которые не переставали слѣдить все время за женихомъ, погнались за ними въ погоню; но послѣдніе, благодаря хорошему подбору лошадей, доскакали раньше, успѣли войти въ церковь, которую сейчасъ-же и закрыли на запоръ изнутри. Послѣ вѣнчанія, по выходѣ изъ церкви, между поѣзжанами жениха и родственниками невѣсты завязывается кулачная расправа. Но фактъ вѣнчанія всетаки совершился, и озлобленный отецъ вымѣщаетъ свою злобу лишь тѣмъ, что, въ продолженіе 15 л., не даетъ благословенія своей дочери.

Въ настоящее-же время похищеніе невѣсты сдѣлалось обыч-

нымъ явленіемъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, потеряло все свое прежнее значеніе. Теперь „воровскія“ свадьбы устриваются съ цѣлью уменьшить расходы со стороны родителей невѣсты: они отказываютъ сватамъ лишь-бы не тратиться на дѣвичникъ, а сами, окольными путями, сообщаютъ, чтобы крали ихъ дочь. Бываетъ, что дѣвушку крадутъ сразу, не посылая сватовъ.

Послѣ того, какъ дѣвушка уйдетъ изъ дома отца (бѣжитъ), къ нему сейчасъ-же идутъ родственники жениха просить подписку о согласіи; конечно, будущій тесть никогда въ этомъ не отказывается; получивши предварительно отъ жениха $\frac{1}{2}$ или цѣлое ведро водки, онъ даетъ и согласіе, и благословеніе, и самъ сейчасъ-же принимаетъ участіе въ свадебной пирушкѣ.

Сватовство. Когда самъ женихъ или его родители, при посредствѣ родственниковъ и знакомыхъ намѣтятъ какую нибудь дѣвушку и узнаютъ подробно о ея достоинствахъ, тогда мать или отецъ, или кто либо изъ родственниковъ идутъ сватать.

Для большаго успѣха въ сватовствѣ, они, при входѣ въ домъ невѣсты, стараются незамѣтно опрокинуть вверхъ дномъ ступку, а иногда приговариваютъ: „брошу тутъ безъ дна, будутъ отецъ и мать безъ ума“. Войдя въ избу и поздоровавшись, садятся на скамью, иногда противъ матицы, а въ большинствѣ случаевъ, гдѣ придется. На первое время, въ своихъ разговорахъ они не касаются дѣли своего посѣщенія; когда-же ихъ начинаютъ угощать чаемъ, тогда сваты встаютъ и обращаются къ хозяину дома съ такой рѣчью: „Мы не чай пришли пить, а о дѣлѣ говорить! Сватушко и сватьюшка, мы пришли съ добрымъ дѣломъ, со сватаньемъ вашей дочери (имя) за такого-то“. Иногда же сваты, не дожидаясь угощенія со стороны хозяина дома, сами начинаютъ угощать водкой, которую принесли съ собой.

Родители невѣсты никогда сразу не даютъ окончательнаго отвѣта, отдѣльваясь словами—„подумаемъ“. На завтра снова приходятъ сваты. Теперь, если совсѣмъ не желаютъ предполагаемаго жениха, мотивируютъ свой отказъ молодостью невѣсты или какими либо домашними обстоятельствами; но если они не прочь отдать дочь, на недостаточно освѣдомлены о женихѣ и его матеріальномъ состояніи, тогда просятъ пріѣхать за окончательнымъ отвѣтомъ на слѣдующій разъ, а сами, въ это время, наводятъ справки о женихѣ. Когда-же знаютъ жениха и желаютъ отдать за него свою дочь, то, давъ согласіе, тутъ-же рѣшаютъ вопросъ о времени рукобитья.

Смотрины. Смотрины или смотры жениха устраиваются только въ томъ случаѣ, когда женихъ и невѣста совершенно не знаютъ другъ друга. Тогда, въ назначенный день, отецъ съ матерью ведутъ своего сына къ невѣстѣ. Здѣсь знакомятъ ихъ впервые, а иногда это знакомство приводитъ къ тому, что невѣста наотрѣвъ отказывается отъ жениха. Но это случается очень рѣдко, такъ какъ дѣвушка не смѣетъ идти противъ воли своихъ родителей.

Рукобитье. Рукобитье иначе называется зарученьемъ или пропиваньемъ, такъ какъ въ этотъ день пропиваютъ невѣсту. Этотъ обычай въ описываемыхъ мною округахъ различенъ. Такъ, по р. Ингодѣ и въ окрестностяхъ г. Читы самое зарученье дѣлается въ день увоза невѣсты къ вѣнцу. Товаръ и водку приносятъ во время прїѣзда жениха за невѣстой; въ день рукобитья только окончательно опредѣляютъ день свадьбы и, въ знакъ окончательнаго рѣшенія дѣла, молятся передъ иконами съ зажженными свѣчами.

Въ Нерчинскомъ округѣ, въ день рукобитья, привозятъ съ собой заусловленную водку, отъ $\frac{1}{2}$ —1-го ведра, и женихъ передаетъ невѣстѣ товаръ (приносъ), который состоитъ: изъ матеріи на платье, шали и матеріи для рубашки, такъ какъ, согласно обычаю, невѣста, въ первую брачную ночь, должна быть въ сорочкѣ жениха. Получая отъ жениха подарки, невѣста отдариваетъ его кisetомъ для табаку или шелковымъ платкомъ.

Послѣ молитвы передъ иконами съ зажженными свѣчами, отецъ невѣсты, взявши въ правую свою руку платокъ, беретъ ею правыя руки жениха и невѣсты и говоритъ, обращаясь къ жениху: „Вотъ вамъ мое дѣтя, гдѣ рука тамъ и голова. Будьте въ надеждѣ, будьте увѣрены въ моемъ дѣтѣ“; или: „Поиль, кормиль и ростиль я для себя свою дочь, теперь пойте, учите и кормите ее для себя“. Родители жениха разбиваютъ руки будущахъ супруговъ, послѣ чего тоже самое дѣлаетъ и мать невѣсты,

Затѣмъ начинается угощеніе и идутъ гостить ко всѣмъ родственникамъ невѣсты. Начинается пиръ, который продолжается дни 2—3. Между тѣмъ, невѣста съ собравшимися къ ней дѣвушками въ пѣсняхъ высказываетъ свое предположеніе на счетъ прїѣзжихъ гостей и упрекаетъ своихъ родителей за то, что они поторопились выдать свою дочь, какъ-бы желая сбыть ее съ рукъ.

1.

Я вступила въ нову горенку,
 Я взглянула во всѣ четыре стороны.
 Что у тѣ гости, у тѣ званые?
 Что за купцы, да за торговые?
 Ужъ чѣмъ ты съ ними торгуешься?
 Ужъ чѣмъ-же ты переторговываешь?
 Ужъ не мной-ли, красной дѣвицей?
 Не моей-ли косою русой?
 Не сдавайся ты, родимый батюшка,
 На ихъ то слова ласковья,
 На поклоны то пренизкіе.

(Запис. въ Кайдаловскій ст., Нерч. окр.).

2.

Благослови меня, Господи,
 Съестъ мнѣ на лавочку, на дубовую,
 Подлѣ стѣночки, бѣлокаменной,
 Подъ окопечко, подъ косящатое,
 Подъ стеколышко хрустальное.
 Я склонила буйную голову
 Ниже пояса шелкового,
 И потупила очи ясныя,
 Во матушку, сыру землю.
 По своему лицу бѣлому,
 Я по батюшкиному платью цвѣтному,
 Я по матушкиному тѣлу бѣлому
 Я заыкала, красная дѣвица,
 Лебединымъ тонкимъ голосомъ,
 Я гусинымъ жалобу творю,
 На батюшку на родимаго:
 Ужъ ты, батюшка, да родимый,
 Съ матушкой—молодушкой!
 Не уросла въ полѣ травонька,
 Не узрѣла въ кустахъ ягодка,
 Не украсовалась я у тебя, батюшка.
 Со родимой моей матушкой!
 Какъ лихую траву съ поля,
 Какъ лютаго звѣря изъ дѣсу,
 Какъ меня младу изъ дому!....
 Надоѣла, надоскучила!....

Ты избевай меня
Въ одну минуту будущую.

(Запис. въ Донинской ст. Нер. зав. окр.).

Положеніе просватанной дѣвушки. Просватанная дѣвушка пользуется особеннымъ положеніемъ не только въ семьѣ, гдѣ она, съ этого времени, освобождается отъ тяжелой работы и большую часть времени шьетъ для себя платья и бѣлье, но и у чужихъ. Братья и сестры, предчувствуя разлуку, стараются быть съ ней ласковыми, а родители предоставляютъ ей возможность побольше погостить съ подругами. Точно такимъ-же положеніемъ она пользуется и среди родственниковъ и своихъ подругъ: первые, при появленіи къ нимъ въ гости невѣсты-родственницы, устраиваютъ для нея вечерки, а среди подругъ, во всѣхъ играхъ и увеселеніяхъ, она является центромъ, около котораго группируются дѣвушки. Ярче всего обрисовывается положеніе „запросватанной“ дѣвушки въ Троицынъ день.

Въ семикъ, когда прочія дѣвушки завиваютъ вѣнки съ „завѣщаніемъ“ о томъ, скоро-ли онѣ выйдутъ замужъ, просватанная дѣвушка завѣщаетъ, долго-ли она проживетъ или какова будетъ ея семейная жизнь. Она не можетъ удержаться отъ слезъ, когда дѣвушки поютъ во время завиванія вѣнковъ пѣсни, напоминающія ей, что для нея близится время проститься съ этими пѣснями.

Встану-ли я по утрамъ раннимъ ранешенько,
Встану-ли я?

Утрусъ-ли я, студеной водой ключевой
Умоюсь-ли я?

Утрусъ-ли я шитымъ бранымъ полотенчикомъ,
Утрусъ-ли я?

Вычешу-ли я свою буйную головушку,
Вычешу-ли я?

Заплету-ли я свою трубчатую косу,
Заплету-ли я?

Завяжу-ли я свои кисточки жемчужныя,
Завяжу-ли я?

Надѣну-ли я свое цвѣтное платьице,
Надѣну-ли я?

Выйду-ли я на широкую большую улицу,
Выйду-ли я?

Воскличу-ли я своихъ кумушекъ—подруженекъ,
Воскличу-ли я?
Пойдемъ-ли мы во сырой боръ-дубровушку,
Пойдемъ-ли мы?
Завьемъ-ли мы сыръ-дубовый вѣнокъ,
Завьемъ-ли мы?
Подемъ-ли мы на Дунай, рѣчку быструю,
Пойдемъ-ли мы?
Бросимъ-ли мы сыръ дубовый вѣночекъ,
Бросимъ-ли мы?
Тонетъ-ли нѣтъ сыръ дубовый вѣночекъ,
Тонетъ-ли нѣтъ?
Знать-то мой вѣночекъ потонулъ“.

(Запис отъ коз. Косыхъ, Доминской ст. Н. З. окр.).

Въ самую-же Тронцу, часовъ съ 10 утра, вся молодежь собирается на поляхъ ближайшей роци, куда приносятъ съ собой закуску, водку и разныя наливки. Срубайтъ березу и одѣваютъ ее въ лучшее платье. Эта береза олицетворяетъ собою дѣвушку, собравшуюся выходить замужъ. Поэтому, въ этотъ праздникъ, въ то время, когда всѣ веселятся и танцуютъ, запросватанная дѣвушка оплакиваетъ послѣдніе дни своей дѣвичьей красоты. Еще больше объ этомъ ей напоминаютъ пѣсни, которыя поются дѣвушками во время хожденія вокругъ березы.

2.

Ты, береза моя, листоватая, кудрявая,
Ты зачѣмъ рано повыросла?
Ты зачѣмъ рано ростки подала?
Не сама собою я повыросла,
Не своей волей-охотушкой!
Спородила меня матушка, сыра земля,
Розмочили часты дождички,
Расклевали мелки пташечки,
Прираздули вѣтры буйныя!
Ты душа-ли, красна дѣвица,
Ты зачѣмъ рано замужъ пошла?
Ты замужъ пошла-задумала?
Ужъ вы ласточки касаточки,
Вы любезныя подруженьки!
Не сама я собою замужъ пошла,
Пошла-задумала!

Запросваталь родимый батюшка!
 Запоручила родимая матушка!
 Затакали дядя—тетушки,
 Изукрасили русу косу родимья сестры».

(Замис. отъ нею-же).

Иногда къ этой пѣсни еще добавляють:
 Не равенъ чертъ навяжется,
 Не равна судьба достанется,
 Онъ заставитъ обувать, разувать.
 Онъ заставитъ у кроваточки стоять,
 Онъ заставитъ рѣзвы ноженьки томить,
 Онъ заставитъ горячи слезы лить!

Березу, не раздѣвая, на ночь ставятъ у кого—нибудь въ домѣ, а утромъ, въ Духовъ день, несутъ на рѣку купать, гдѣ, послѣ танцевъ и пѣсенъ, ее раздѣвають. Каждая дѣвушка старается отломить вѣтку и бросить въ воду съ завѣщаніемъ, скоро-ли выйдетъ замужъ. Если вѣтка потонетъ, значить, не выйдетъ. Одна невѣста стоитъ задумчиво и не бросаетъ вѣтокъ, такъ какъ ея судьба рѣшена. J

Невѣста гостить. Невѣста, у которой много родственниковъ въ другихъ деревняхъ, приблизительно за мѣсяць до начала дѣвичника, гостить. Пріѣздъ невѣсты составляетъ цѣлый праздникъ для молодежи деревни, такъ какъ родственники невѣсты устраивають для нея вечерки. Подобныя экскурсіи по родственникамъ, кромѣ увеселенія и прощанія съ ними, имѣють еще и то практическое значеніе, что невѣста вездѣ получаетъ подарки платками, матеріей, а иногда и деньгами или животными.

По окончаніи поѣздокъ въ другія деревни, невѣста, за нѣсколько сутокъ до начала дѣвичника, гостить у подругъ своей-же деревни, послѣ чего дѣвушки, по вечерамъ, собираются къ невѣстѣ и помогаютъ ей шить платья и бѣлье; къ этому-же времени съѣзжаются дѣвушки родственницы и близкія знакомыя и изъ другихъ деревень. На этихъ вечеринкахъ поютъ:

1) Наповадился Валенокъ.	2) Свѣтъ-Ванюшка щеголекъ.
Ходи браво,	Ходи браво,
Горя мало,	Горя мало,
Говори,	Говори,
Что Валенокъ,	Что щеголекъ,
3) Онъ Машеньку приглашаетъ,	4) Онъ по бѣлому по лицу,
Ходи браво,	Ходи браво,

Горя мало,
Говори,
Что приглашаетъ,	Горя мало,
Говори,
Что по лицу,
5) Огъ по русой по косѣ,
Ходи браво,
Горя мало,
Говори,
Что по косѣ,	6) Онъ по чернымъ, по бровямъ,
Ходи браво
Горя мало,
Говори,
Что по бровямъ.

(Запис. отъ него-же).

Эта пѣсня повторяется каждой изъ присутствующихъ дѣвушекъ.

Курники и разсолъники. Въ началѣ дѣвичника дѣлается предсвадебная стряпня; заготавливаютъ кушанья, среди которыхъ, по обычаю, обязательно бываютъ курники и разсолъники; безъ нихъ свадьба-не свадьба, поэтому и готовятъ ихъ какъ въ домъ невѣсты, такъ и жениха. Курники и разсолъники представляютъ изъ себя пироги изъ пшеничнаго тѣста, отличающіеся формой и начинкой. Первые имѣютъ форму миски, круглую и начинены ячменной крупой, а вторые продолговаты и начинены осердіемъ. Верхній слой тѣста, какъ курника, такъ и разсолъника, снимается въ видѣ крышки. Курники и разсолъники заготавливаются въ такомъ количествѣ, чтобы ихъ хватило на всю свадьбу или дѣвичникъ. Передъ употребленіемъ, ихъ разогреваютъ и обливаютъ начинку саломъ или супомъ. Бѣдятъ ложками прямо изъ корки, какъ изъ миски. Въ день приготовленія курниковъ и разсолъниковъ мальчикъ на верховой лошади объѣзжаетъ всю деревню и подъ окнами каждаго дома приглашаетъ на курники къ такому-то. Изъ каждаго почти дома какая нибудь женщина считаетъ долгомъ сходить на курники. Онѣ несутъ съ собой, кто что можетъ: масло, муку, мясо, сало и прочее. Не ограничиваясь только приношеніями, женщины принимаютъ участіе и въ приготовленіи кушаній. Такимъ образомъ, обычай стряпать курники есть ничто иное, какъ общественная помощь справиться свадьбу или дѣвичникъ. Во время приготовленія курниковъ не обходится безъ пѣсенъ. Здѣсь сопоставляется дѣтство дѣвушки съ ея замужествомъ, описывается ея дѣвичье жилище, говорится о приготовленіи къ встрѣчѣ жениха и, наконецъ, о наступленіи дѣвичника.

Спородила меня матушка во злочастный день, во пятницу,
Ужъ клала меня матушка во колыбелицу качливую,
Качала, приговаривала на всѣ четыре стороны:
«Не отдамъ я тебя, дитятко, ни за князя, ни за боярина,
Ни за того сына казачьяго!»
Качала меня матушка на всѣ четыре стороны;
Откачнула меня матушка на чужую дальнюю сторонушку,
Ко свекору, ко батюшкѣ, ко свекрови, ко матушкѣ!
Ужъ я свекору-то унаравливала—постель бѣлую стеливала!
Ужъ я свекровкѣ унаравливала-рубашку ей даривала,
Я деверьямъ унаравливала-полотенцы имъ даривала!

(Запис. отъ каз. Юдина Он. ст., Аки. окр.).

2.

Ужъ чья эта горница?
Ужъ чья эта свѣтлица?
Ужъ Катеринина горница,
Свѣтъ—Васильевны свѣтлица.
Горница, горница.
Свѣтлица, свѣтлица!

Во сыромъ бору рублена,
На добрыхъ коняхъ вожена,
По быстрой рѣкѣ плавлена,
На веселомъ мѣстѣ ставлена.
На прибыточномъ!

(Запис. тамъ-же).

3.

Вы родимые мои брателки!
Вы берите по метелочкѣ!
Да вы метите большу улицу.
Выѣзжаетъ на широкій дворъ,
Забираетъ бѣлаго снѣга комъ
И бросаетъ во круто окно,
Да со частыми переулочками,
Да де Иванъ-господинъ,
Съ поизотчеству, свѣтъ-Максимовичъ,
Попадаетъ въ душу-красную дѣвицу,
Свѣтъ-Катерину Васильевну,

4.

На горѣ, горѣ на высокой,

Тамъ стояла мать Божья церковь.

Трое въ колоколь ударили,

У Катериной у матери,

У Федосьи у Гурьяновны.

Косокрашеніе или зачинъ. Косокрашеніе («красить», значитъ, украшать косу) и есть начало дѣвичника. Въ Перчинскомъ и Перчинско-Заводскомъ округахъ косу красятъ въ четвергъ утромъ, а по Ингодѣ въ пятницу и называется тамъ этотъ обычай «зачиномъ»,

Въ день косокрашенья невѣста выбираетъ, изъ близкихъ своихъ родственницъ или задушевныхъ подругъ, трехъ; а то и болѣе, дѣвушекъ въ зваты. Зваты, разодѣвшись въ лучшія платья, заходятъ въ каждый домъ деревни, говорятъ всѣ въ одинъ голосъ: «милости просимъ къ нашей сестрицѣ (имя и отчество невѣсты) на косокрашенье». Если-же деревня большая, то идутъ 2 или 3 партіи зватыхъ. Послѣ того, какъ зваты обойдутъ всю деревню, начинаютъ къ невѣстѣ собираться дѣвушки и молодья женщины; вскорѣ домъ бываетъ переполненъ собравшимися гостями.

Невѣста сидитъ въ кути, закрывшись большимъ платкомъ и плачетъ. Съ этого момента она не перестаетъ проливать свои слезы до самаго отъѣзда къ вѣнцу. Каждая пѣсня, пропѣтая дѣвушками, сопровождается страшными рыданіями невѣсты, которая, вмѣсто словъ пѣсни, издаетъ лишь одинъ отчаянный вопль, раздирающій душу. Прислушиваясь къ этимъ воплямъ, вы невольно проникаетесь тяжелымъ чувствомъ, которое испытываетъ невѣста, разставаясь съ своей дѣвичьей волей и дѣвичьей красотой. Многія изъ дѣвушекъ, въ началѣ такъ быстро и звучно пѣвшихъ пѣсни, въ концѣ концовъ, заражаются рыданіемъ невѣсты; такимъ образомъ, вмѣсто веселья, получается плачь, почему косокрашеніе и другія моменты дѣвичника, когда поютъ пѣсни, называются вытьемъ (выть, значитъ, плакать). Если когонибудь изъ близкихъ родственниковъ итъ на дѣвичникѣ, то невѣста, прежде благословленія, проситъ отца подождать отсутствующаго:

1.

Повремени-ка, родимый батюшка,

Восковыя свѣчи теплети:

Ужъ не всѣ-то у тѣ, тятенька,

Ужъ не всѣ то гости пріѣхали,

Не всѣ гости званые,

Не всё гости приглашенные,
Не всё гости прибыли!
Одного-то гостя нѣту-ка,
Моего брателка родимаго (или другаго кого нѣтъ),
Ужъ я выйду красная дѣвица,
Изъ кути-то, кути зановѣсочки,
Изъ тонкой бравой полотняной,
Ужъ я стану, красная дѣвица,
Посередь пола дубоваго,
Благослови-ка меня Господи!

Невѣста просить благословенія. Въ это время подружки берутъ ее подъ руки и выводятъ на середину хаты, гдѣ она падаетъ въ ноги передъ отцомъ, затѣмъ матерью и проситъ у нихъ благословенія.

Благослови-ка меня, батюшка,
На сей день Господній!
Благослови-ка, родимая матушка,
Подъ накидочку шелковую,
Пресвятую мать Богородицу,
Что на лавочку брусчатую.

(Запис. въ дол. Им. Чит. окр.)

2.

Благослови, родимый батюшка,
Со родимой моей матушкой,
Мнѣ садитися, да красной дѣвицѣ,
Передъ Спаса, да Спаса образа,
Передъ матушкино благословеньице,
Благослови-ка да меня, Господи;
Мать садитися да на брусчатую,
На бѣлу лавочку,
Подъ Спаса, да Спаса образа,
Передъ матушкино, да благословеньице!

(Запис. тамъ-же).

3.

Благослови-ка меня Господи,
Сѣсть мнѣ на лавочку, на дубовую,
Подлѣ стѣны бѣлокаменной,
Подъ окошечко подъ косащатое,
Подъ стеколышко хрустальное!
Я склонила буйную головушку,

Ниже пояса шелкового,
Потупила очи ясныя,
Во матушку во сырую землю
Пролила горячи слезы,
По своему лицу бѣлому,
И по батюшкиному платью,
И по матушкиному тѣлу бѣлому.

(Запис. отъ каз. Козлова Доминской ст., Н. З. окр.)

Испросивши благословенія у родителей, невѣста, окруженная подругами, садится на лавку въ передній уголъ и продолжаетъ прерванную пѣсню, изливая жалобы на своего отца и мать за то, что они отдають ее въ чужіе люди, какъ-бы стараясь избавиться отъ нея:

(Продолженіе предыдущей пѣсни).

Я закыкала, красная дѣвица,
Лебединымъ громкимъ голосомъ!
Я гусиной жалобой, жалобу творю,
На батюшку, на родимую матушку!
Избываешь ты, родимый батюшка,
Со родимой моей матушкой,
Меня молодешеньку!
Не уросла въ полѣ травонька,
Не узрѣла въ кустахъ ягодка,
Не украсовалась у тебя, батюшка,
Со родимой моей матушкой!
Избывалъ родимый батюшка,
Со родимой моей матушкой,
Какъ лихую траву съ поля,
Какъ лихого звѣря изъ лѣсу,
Какъ меня младу изъ дома:
Надоѣла надоскучила.

Ты измыкалъ меня въ одну минуту будущу!

(Запис. каз. Косыль Доминской ст., Н. З. окр.)

Послѣ чего невѣста вспоминаетъ отцу, что было время, когда онъ дѣлалъ обѣщаніе не выдавать ее замужъ.

4

Приходилъ родимый батюшка,
Со работушки тяжеленькой,
Со усталъчику великаго.
Я ходила-то кругомъ лавочки,

Подходилъ-то родимый батюшка,
Ужъ онъ брать-то меня,
Да на свои-то руки бѣляя,
А подымаль-то меня
Выше буйной головушки,
И опускаль-то меня тятенька
Ниже пояса шелкового;
Ужъ опускаль-то онъ приговариваль:
Не отдамъ то я свое дитятко,
Не за князя, не за боярина,
Ни за какого сына отецкаго!
Ужъ теперь-то, родимый тятенька,
Измѣнилъ-ты слово вѣрное.

(Запис. отъ каз. Карташева Шелопуинской ст., Нерч. окр.).

Затѣмъ обращается съ той-же жалобой и къ матери, напоминая, что ей придется еще вспомнить о своей дочери.

Споносила меня маменька,
Споносила государыня,
Во утробѣ ровно сорокъ недѣль.
Спородила меня маменька,
Во злосчастный день,
Во злосчастный день, да во пятницу,
Обмывала меня маменька,
Ключевой водой холодною!
Пеленала меня маменька
Во пеленочку шелковую,
Во покромочку русситную.
Еще клала меня маменька
Во колыбелицу качливую!
Ужъ качала меня маменька,
На всѣ четыре стороны,
Качала да приговаривала:
Не отдамъ я тебя дитятко,
Не за князя, не за боярина,
Не за того сына казацкаго!
Ужъ теперь меня, маменька,
На чужую дальнюю сторонушку,
На чужую, дальнюю, незнакомую,
Ко чужому свекру батюшкѣ,
Ко чужой свекровкѣ матушкѣ,

Ко чужимъ деверьямъ брателкамъ,
Ко чужимъ золовкамъ сестрицамъ.
Ужъ то ходить моя матушка
На великихъ радостяхъ;
И не слышитъ она подъ собою ножки рѣзвыя,
И не видитъ она у себя ручки бѣлыя,
Меня-то избываючи.
Она избудеть меня хватится!
Какъ лихого звѣря изъ бора,
Какъ лихую траву изъ поля,
Меня младу со терему.
Ужъ придетъ-то, зима холодная,
Ужъ пойдешь ты родимая маменька,
На Дунай—рѣку рубашки мыть,
Ужъ прищиплетъ ножки рѣзвыя,
Ко ледочку, да студеному,
Приморозитъ ручки бѣлыя,
Ко валечку—да дубовому,
Ужъ тогда-то меня хватить:
Ужъ было-бы мое дитятко
Замѣнило-бы меня при старости!

(Запис. отъ него-же).

Послѣ этого, невѣста обращается къ матери и просить
расчесать ей косу:

6.

Благослови ка, Господи, изукрасятъ
Мнѣ трубчатую косу
Всякими алыми цвѣточками,
Обдерными (?) ленточками,
Со кисточкой со жемжужною!
Кому-же я буду кучитися?
Кому-же я буду кланятися?
Нѣту у меня, слуги вѣрнаго!
Послать за родимой матушкой,
А самой иди, да не поднятися!
Вздому я правую рученьку
Выше буйной своей головушки,
И опущу ниже лавочки площадой;
Спади-же мой золотой перстень,
Да со правой бѣлой рученьки

Да со мизиньчика!
Да катись ты въ куть, за занавѣсочку,
Да ко родимой моей матушкѣ, во рѣзвыя ножки!
Проси ты родимую матушку,
Съ дорогимъ частымъ рыбьимъ гребешкомъ
Учесать мою буйную головушку,
Не съ гульбы-то болить, не съ прохладушки,
Со тоски-то, злой печалюшки!

(Запис. отъ него-же).

7.

Я стояла красна дѣвушка
Противъ матицы кленовой,
Я чесала-да буйную голову
Дорогимъ да рыбьимъ гребешкомъ!
Не могла учесать:
Примахала ручки бѣлыя,
Присталяла пожки рѣзвыя,
Проглядѣла очи ясныя,
На свою родиму матушку!
Подойди, родимая матушка,
До меня молодешенькой!
Учеши мою буйную головушку,
Уплети трубчату косу
По единому русу волосу,
По пшеничному зернышку,
По корепь моей русой косы
Плети двѣ яблони кудрявыя
Ты со волей батюшкиной!
По серединѣ мой русой косы
Два садочка, два зеленые,
Ты со волею матушкиной!
По конецъ моей русой косы
Плети конецъ алой—шелковой,
Ты со кисточкой жемчужною,
Со ленточкой обдирною!
Но пушай кисти катаются,
А вы, ленты, устилаются
По моимъ-то могучимъ плечамъ,
По моему платью свѣтлому!
Но не долго кистямъ кататися,

Алыми лентами устилась
Семиденная да недѣлочка!

(Запис. Косыги съ Донинской ст., Н. З. окр.).

8.

Во время этихъ пѣсенъ мать подходитъ къ невѣстѣ и расплетаетъ ей часть косы, затѣмъ невѣста приглашаетъ сестру расплести косу.

Дойди да доступи, родимая сестрица,
Уплети мою трубчатую косу!
Да подъ корень плети тепло гнѣздышко,
Посередь моей косы
Двѣ яблони, да двѣ кудрявыя,
Да по конецъ моей русой косы
Два пожичка, да два булатные,
И косоплеточка моя мелкотравчатая
Со алыми со цвѣточками,
И украшена алыми ленточками,
Со жемчужной кисточкой.

(Запис. со словъ каз. Подойницыной ст., Ун., Н. окр.).

Сестра подходитъ и заплетаетъ косу. Послѣ этого невѣста обращается къ подругамъ и проситъ ихъ изукрасить ея русую косу:

9.

Попрошу ка да я Вась, подруженьки,
 Попрошу ка да я Вась, голубушки,
 Изукрасить мою трубчатую косу
 Что хорошу да дѣвью красоту.
 Ужь ты выйди, родимая матушка,
 Учесати да мою трубчатую косу,
 Трубчатую косу, дѣвью красоту.
 Изукрасьте, мои подруженьки,
 Изукрасьте, мои голубушки,
 Мою то да трубчатую косу;
 Что хорошу да дѣвью красоту.

Въ то время, когда поются эти пѣсни, подружки невѣсты вплетаютъ ей въ косу кисть, сдѣланную изъ бисера и украшенную лентами, надѣваютъ ей на голову вѣнокъ, сдѣланный изъ цвѣтныхъ лоскутковъ.

Послѣ этого невѣста благодаритъ своихъ подругъ.

10.

Вамъ покорно да благодарствуемъ,
Задушевныя мои подруженьки.

Затѣмъ начинаютъ припѣвать къ косѣ всѣхъ родственниковъ и близкихъ знакомыхъ; припѣваютъ и лица совершенно постороннихъ, если только представляется возможность что нибудь получить съ нихъ на косу. Каждый, ного припоютъ къ косѣ, подходить къ невѣстѣ, цѣлуетъ ее и дѣлаетъ ей подарокъ.

Грамотка. Если братъ невѣсты въ отсутствіи, тогда она поетъ

11.

Ужъ я кого молода попрошу-ка?
Ужъ я покучусь да поклоняюсь родимому брателгѣ;
Ужъ мы пойдемъ-ка съ тобой, родимый брателка,
На ту гору высокую.
Тамъ стояла-да мать Божья церковь
Съ колоколами-да она со звонками!
Мы ударимъ-да съ тобой, брателка,
Въ самы-да большой колоколь,
Мы отпустимъ-да этотъ колокольный звонъ,
По всей сырой землѣ.
Ужъ мы станемъ-да съ тобой, брателка,
Ужъ писать да эту грамоту
Ужъ не на гербовой—то ее бумажечкѣ,
Ужъ не перомъ—то ее, не чернилами,
Мы напишемъ да съ тобой, брателка,
Своими да горячими слезми,
Запечатаемъ да эту грамотку
Не печатью да не сургучною,
Запечатаемъ да эту грамотку
Своей да тоской кручинушкой,
Великою да досадушкой,
На своей да на бѣлой груди.
Мы отправимъ да эту грамотку
Мы не съ коневымъ да мы не съ пѣшимъ,
Съ перелетнымъ да яснымъ соколомъ.
Ужъ полетай ка ты, младъ ясенъ соколь,
Выше лѣса стоячаго,
Ниже облака ходячаго
Ко родимому-то ты ко брателку,
Оброни-же младъ ясенъ соколь,

На широкую да чисту улицу,
Гдѣ живетъ родимый брателка,
Ко его да новой горенкѣ.
Выйдетъ родимый брателка
На широкую да чисту улицу,
Подыметъ да эту грамотку.
Ужъ прочитаетъ родимый брателка:
Просить да моя сестрица
На пирь да на бесѣдушку,
На великую компаньюшку,
На заплетанье да трубчатой косы,
На разлуку да съ дѣвьею красотой!

(Запис. отъ каз. Карташева Шелоп. ст., Нерчинск. окр.).

Затѣмъ невѣста высказываетъ свои тяжелыя чувства, овладѣвшія ею при видѣ своихъ подругъ.

12.

Закатилось да солнце красное
За темныя да за лѣса
Яснымъ, да оно ясненько.
Сидятъ мои подруженьки,
Веселымъ-то онѣ да веселешеньки.
Ужъ я то, красная дѣвица,
Не веселымъ-да не веселешенька!
Отходила да я отгуляла
Во первы да во послѣдни,
По подруженькамъ, по голубушкамъ,
По всему да роду племени!
Ужъ я отъ роду не впервы,
Въ дѣвьею красотѣ во послѣдки.

(Запис. отъ каз. Подойницкой Уи., Нерч. окр.).

Все это гнѣие, съ нѣкоторыми перерывами, когда дѣвушки ѣдятъ, затыгивается до вечера. А вечеромъ открывається вечерка и начинаются танцы; въ промежуткахъ танцевъ подруги невѣсты не пропускаютъ случая припѣть къ косѣ тѣхъ, кого не было днемъ, а случились на вечеркѣ. Онѣ окружаютъ невѣсту и поютъ общую гнѣию для всѣхъ:

13.

Перелетныя ясны соколы,
Перехожіе добры молодцы!
Вы можете ка дойти да пожаловати,

До души, да красной дѣвицы!
Не скупитесь, откупитесь!
Не всѣхъ-то васъ по имени называемъ,
Не всѣхъ-то васъ по отечеству величаемъ!

(*Запис. отъ каз. Кайдалова Кайдаловской ст., Чит. окр.*)

Каждый, кто не дѣлалъ подарковъ невѣстѣ днемъ, старается сдѣлать ихъ теперь.

Послѣ вечерки, всѣ дѣвушки остаются ночевать у невѣсты, которая приглашаетъ остаться и нѣкоторыхъ парней; не приглашенные-же входятъ къ дѣвицамъ, когда тушатъ огонь. Дѣвушки и парни ложатся вмѣстѣ, кто гдѣ попало. Нельзя не отмѣтить тотъ фактъ, что совмѣстныя ночевки на дѣвичникахъ страшно развращаютъ молодежь. Когда всѣ устроятся съ постелями, то поютъ:

14.

Гасите огарочки,
Ложитесь спать!
Ложитесь спать,
Некого намъ ждать!

На другой день у невѣсты начинается снова „вытье“.
Сначала поютъ:

15.

Пѣтухи, вы мои пѣтухи,
Пѣтухи, вы ранніе утренніе!
Вы не пойте, мои пѣтухи,
По утру ранымъ ранешенько,
Не будите злого сватовщика!
Чтобы тебѣ-бы, злomu сватовщику,
Не пути-бы не дороженьки;
Со крутой горы катится,
И о камень зашибитися,
И сквозь землю провалитися!

Послѣ этого поютъ „спобужденье“, гдѣ невѣста высказываетъ свое одиночество;

16.

Я ждала, млада, дожидалася
Я отъ батюшки спобужденьица,
Я отъ матушки спокликаньица,
Я отъ брателки слова ласкова,
Отъ невѣстушки холодной воды,

Отъ сестрицы полотеньчико,
Не могла я отъ нее дожидатися;
Я сама встала ранешенько,
Я улылася горячими слезми,
Утерлася тоской дѣвичьей!

(Запис. каз. Косыхъ Донинской ст., Нер. Зав. окр.).

17.

Я спала, спала, высыпалася;
Я ждала, ждала, дожидалася,
Я отъ батюшки покликаньица,
Я отъ матушки побужденьица,
А отъ братьевъ-то, ясныхъ соколовъ,
Ключевой воды холодной,
Отъ сестрицъ, бѣлыхъ лебедушекъ,
Шито—брано полотенечко,
Отъ невѣстушекъ, отъ голубушекъ,
Дожидалася рыбьяго гребешка!
Ужъ вставала я, красная дѣвица,
Со тоской своей со кручинушкой,
Умывалася горячими слезми,
Утиралася тоской кручиною!
Ты вставай, вставай, родной батюшка,
Свѣтъ Иванъ Тимофеевичъ!
Ты вставай, вставай, родная матушка,
Свѣтъ Орина Никифоровна!
Какъ вамъ спится, много дремлется!
Мнѣ не спится, мнѣ не дремлется!

(Запис. отъ каз. Карташева Шелопуинской ст., Нерчинск. окр.).

Также продолжаютъ будить и остальныхъ родственниковъ.
Но если только мать или отецъ, братъ или сестра невѣсты
умерли, то добавляють:

18.

Ужъ я всѣхъ-то, всѣхъ добудилася;
Не могла-то я добудитися
Свою матушку родимую (или отца, брата, сестру и т. под.),
Ужъ я выйду въ поле чистое,
Припаду я ко сырой землѣ,
Да послушаю, не идетъ-ли моя родимая матушка,
Не несетъ-ли мнѣ благословеньице.

(Запис. отъ каз. Карташева, Шелопуинской ст., Нерчинск. окр.).

Послѣ этого снова, какъ и въ первый день, припѣвають къ косѣ:

19.

Взойди, взойди,
Красное солнышко,
Изъ-за горъ, да горъ лежачихъ,
Да лѣсу стоячаго!
Отогрѣй, да солнце красное,
Высокъ теремъ батюшкинъ,
Новы сѣни братцевы,
Зелень садокъ сестрицынъ!
Дойди да доступися,
Родимая моя матушка,
Со рыбимъ да частымъ гребешкомъ учесать
Мою буйную головушку
Во первы да во послѣдни!
Заплети-ка, моя сестрица,
Мою да трубчату косу!
По корень то плети, сестрица,
Волю да волю батюшкину;
Посередь-то плети, сестрица,
Нѣгу да нѣгу матушкину;
На конецъ-то плети, сестрица,
Два да ножичка булатные!
Изукрасьте мои подруженьки,
Мою да буйную головушку
Отборными да алыми лентами
И кисточкой жемжужною!
Мнѣ не долго жить—красоватися
Во хорошей да дѣвѣей красотѣ:
Во первый да во послѣдній разъ!

(Запис. отъ каз. Кириллова, Титовской ст., Чит. окр.).

Послѣ этого, невѣста, одѣвшись, идетъ съ своими подругами гостить къ близкимъ ей родственникамъ и къ подругамъ. При переходѣ изъ дома въ домъ, онѣ поютъ «Споносила меня маменька» . . . и «Приходилъ родимый батюшка со работушки тяжеленькой *).

Въ прежнее время, передъ закатомъ солнца, невѣста выходила съ своими подругами на крыльцо и какъ-бы прощалась и

*) Смотри выше № № 5-й и 6-й (Невѣста просить благославленіе).

съ солнцемъ и свѣтомъ, который для нее, какъ для дѣвицы, теперь исчезъ. Теперь-же отъ этого обычая сохранились лишь пѣсни, въ которыхъ невѣста сопоставляетъ свое грустное настроеніе съ обычнымъ видомъ окружающихъ ея подругъ.

Ужъ я выйду-ли, молодешенька,
На широкую большую улицу,
На крылечушко на прекрасное
Со кумами я, со подруженьками,
Со другими красными дѣвушками!
Ужъ какъ всѣ-то сидятъ по старому!
Ужъ какъ всѣ-то сидятъ по прежнему,
Ужъ какъ я то, молодешенька
Не постарому, не по прежнему:
Я повѣсила буйну голову,
Утушила очи ясныя
Я во батюшку—во дубовый полъ,
Во матушку—во сыру землю!
Я вздыму свою буйную голову,
Возведу очи ясныя
На покатное солнце красное.
Закатилось то солнце красное,
За горы оно за высокія,
За лѣса-то оно за темныя,
За пади оно широкія,
За грязи оно за черныя,
За луга оно за зеленые,
За мою то за буйную головушку,
За мою то трубчату косу,
За хорошую-то дѣвью красоту,
За хорошее украшенья.

21.

Выходила я на широкую на улицу
На прекрасное круто крылечко,
Смотрѣла на всѣ четыре стороны,
И взглянула-же я на закатную дальню сторонушку:
Закатается солнце красное
За горы да за высокія,
За долинушки за широкія
И за дубовушки за зеленыя,
За рѣвки да рѣвки быстрыя,